

КНИГА О ВЕЛИКОМ ПОЛЬСКОМ МУЗЫКАНТЕ

1

Среди книг, посвященных великим музыкантам, книга Листа о Шопене занимает совершенно особое место. Значение ее определяется прежде всего тем, что она написана не рядовым человеком — литератором, искусствоведом, критиком, — а истинно великим музыкантом-художником. Перед нами не просто книга о Шопене, а книга одного великого человека о другом, книга гения о гении. Больше того: перед нами своеобразнейший исторический и психологический документ эпохи. Это — взволнованная автобиографическая исповедь художника, остро чувствующего свое одиночество в буржуазном обществе и смело выступающего в защиту благородных идеалов прогресса и гуманизма. Можно сказать без преувеличения, что из всего написанного художниками о художниках вряд ли найдется еще книга, в которой

бы с такой любовью и преданностью, с таким пылким воодушевлением и вместе с тем с такой удивительной проницательностью и откровенностью один гений высказался о другом.

Уже одно это привлекало к книге и продолжает привлекать по сей день внимание многочисленных читателей, вызывает к ней повышенный интерес. Последний еще более усиливается после ознакомления с историей личных взаимоотношений Шопена и Листа,— взаимоотношений, не оставшихся секретом ни для современников, ни для последующих поколений.

Трудно представить себе художников более противоположных по складу, чем Шопен и Лист. Несходство характеров, взглядов, вкусов, житейских привычек с самого начала наложило на их быстро возникшую дружбу особый отпечаток.

Шопен приехал в Париж в конце 1831 года. Очевидно, уже вскоре после его приезда Лист, который жил тогда в столице Франции, встретился с ним в одном из парижских салонов. Во всяком случае, на первом концерте Шопена в Париже, состоявшемся 26 февраля 1832 года, Лист присутствовал на правах «добротного знакомого». Он был восхищен тонким, необычным очарованием, исходившим от игры Шопена; еще более поразили его оригинальность, свежесть, смелость исполненных произведений (Шопен играл Концерт *f-moll* и Вариации на тему из «Дон-Жуана» Моцарта). «Нам вспоминается,—пишет Лист в своей книге,—его первое выступление в зале Плейеля, когда аплодисменты, воз-

раставшие с удвоенной силой, казалось, никак не могли достаточно выразить наш энтузиазм перед лицом этого таланта, который, наряду со счастливыми новшествами в области своего искусства, открыл собою новую фазу в развитии поэтического чувства».

В первые годы пребывания Шопена в Париже Лист и Шопен часто встречались, много играли друг другу, еще больше удивлялись друг другу, причем без всякого оттенка зависти. Словом, между ними возникла дружба, пусть и не очень горячая, тесная, но зато, несомненно, искренняя. Они нередко выступают вместе в концертах, приводя парижский музыкальный мир в состояние «экстаза». Между двумя молодыми художниками устанавливается творческая близость, которой в большой мере способствовало и то, что Лист, со свойственным ему благородством, с самого первого знакомства с сочинениями Шопена стал не только их искренним почитателем, но и страстным пропагандистом, их лучшим, наряду с автором, исполнителем.

Однако этой дружбе не суждено было стать устойчивой и крепкой. Напротив, с годами непосредственное общение Листа с Шопеном становится все менее и менее оживленным.

Трудно сказать, что явилось причиной этого, ибо об отношениях Листа и Шопена сохранились лишь немногие достоверные данные. Быть может, на охлаждение взаимоотношений двух великих музыкантов оказало влияние поведение окружающих, в частности подружки молодого Листа Мари д'Агу и близко стоявшей к

Шопену Жорж Санд. Из писем М. д'Агу к Листу достаточно ясно видно, что она не раз, и весьма тонко, восстанавливала Листа против Шопена¹; есть все основания полагать, что и Ж. Санд отнюдь не способствовала упрочению дружбы Шопена и Листа (особенно после своей ссоры с М. д'Агу). Быть может, сказалось отношение Шопена к произведениям Листа, скорее отрицательное, чем положительное, — о чем Листу, конечно, было хорошо известно. Возможно также, что известную роль в охлаждении дружественных чувств сыграли и отзывы некоторых лиц (например, французского критика Э. Легуве), нарочито противопоставлявших искусство Шопена, достигшее уже в тридцатые годы полной зрелости, творчеству Листа, в ту пору еще весьма несовершенному и противоречивому.

Но скорее всего их разъединила сама жизнь. Сформировались их характеры, которые во многом оказались противоположными; усилились разногласия, порождаемые несходством вкусов. К тому же в середине тридцатых годов Лист покинул Париж (если он и бывал в этом городе впоследствии, то лишь периодами), что также несколько отдалило их друг от друга. Так, если в письмах Шопена первых парижских лет, из которых до нас многие не дошли, имя Листа встречается сравнительно часто, то в письмах последующих лет, сохранившихся чуть ли не полностью, имя Листа почти не

¹ См. *Correspondance de Liszt et de la comtesse d'Agoult, 1833—1864, publiée par M. Daniel Ollivier, Vol. I—II, Paris, 1933—1934.*

упоминается. Жизненные пути Шопена и Листа явно разошлись.

Характерно, что сам Шопен никогда Листу не писал и, повидимому, начиная со второй половины тридцатых годов не имел в этом никакой надобности. В его отношении к Листу, особенно в сороковые годы, сквозила плохо скрываемая ирония, подчас даже антипатия. Со стороны Листа,— это можно сказать с полной определенностью,— ничего подобного не было. Лист, переживший Шопена на тридцать семь лет, никогда иначе не говорил и не писал о нем, как с чувством обожания и восхищения. Шопен навсегда остался ближайшим спутником его творческой жизни; любовь к нему, как к величайшему поэту фортепиано, он сохранил чистой и незапятнанной до конца своих дней.

Именно это и помогло Листу создать книгу огромного интереса, книгу-памятник, где творческий облик гениального польского музыканта воссоздан с поистине захватывающей силой. Своей книгой Лист хотел доказать миру, и действительно доказал, что, несмотря на глубокий контраст характеров, художественных вкусов, житейских навыков, Шопен был близок ему больше, чем кто-либо другой из его друзей-музыкантов (не исключая и Вагнера), что противоположность ярких индивидуальностей не смогла помешать их идейному сближению.

2

Естественно, что книга Листа быстро завоевала популярность. Это — одна из самых известных и распро-

страненных книг о Шопене. Ее издавали неоднократно во многих странах и на разных языках.

Впервые она увидела свет во Франции свыше ста лет тому назад; она была опубликована отдельными статьями (очерками) в журнале «La France musicale» за 1851 год (9 марта, 25 мая, 1 июня и далее). В том же году она была переведена на русский язык (перевод анонимный) и помещена, также отдельными статьями, в журнале «Библиотека для чтения» (т. 109, стр. 124—152, статья первая, т. 109, стр. 277—301, статья вторая, т. 110, стр. 241—254, статья третья); в этом переводе имеются кое-какие пропуски и сокращения.

В 1852 году книга вышла отдельным изданием на французском языке у Эскюдье (в Париже), Брейткопфа и Гертеля (в Лейпциге) и Шотта (в Брюсселе). Позже она (не полностью) снова появилась в переводе на русский язык, на этот раз в журнале «Пантеон».

В 1856 году книгу попытались перевести и издать на немецком языке; в 1873 году был осуществлен первый перевод на венгерский язык (опубликован в Будапеште, переводчице книги на венгерский язык Оттилии Вашт Лист в одном из писем выразил свою признательность и благодарность)¹. Тогда же книга впервые

¹ См. Franz Liszts Briefe. Gesammelt und herausgegeben von La Mara, Bd. II, 1893, стр. 217: «Будьте любезны,—пишет Лист известному венгерскому пианисту и композитору Эде Михаловичу,—до»

вышла на польском языке (с немалыми пропусками и ошибками) у Гебетнера и Вольфа в Варшаве. В 1876 году Листом был предпринят пересмотр всей книги в целом, в результате которого появилась вторая версия, значительно переработанная и дополненная; эта версия была издана на французском языке у Брейткопфа и Гертеля (в Лейпциге) в 1879 году. В дальнейшем вторая версия книги без каких-либо существенных изменений переиздавалась неоднократно у того же Брейткопфа: в 1888 году вышло третье издание, в 1890 году — четвертое, в 1906 году — пятое и в 1923 году — шестое, с которого и сделан настоящий перевод.

В 1877 году книга впервые была переведена на английский язык и издана в Лондоне. Вскоре она появилась и в вольном переводе на немецкий язык, блестяще осуществленном Марией Липсиус (Ла Мара). Этот перевод в отдельных деталях оказался удачнее французского оригинала и в свою очередь послужил основой для ряда последующих переводов книги на другие языки. Следует отметить, что Лист не только дал свое согласие на «вольный» перевод книги, но и помогал Ла Мара в этой работе¹. Он же рекомендовал Брейткопфу

ставить прилагаемое письмо изящному и восхитительному переводчику моего «Шопена» — г-же Оттилии Вашт».

¹ См., напр., письмо Листа к Ла Мара от 3 февраля 1876 года, в котором Лист пишет, что ее «любезное согласие изложить «Шопена» на прекрасном немецком языке» его «чрезвычайно обрадовало». «Сердечная

и Гертелю поместить новый перевод книги в первом томе «Собрания литературных сочинений» («Gesammelte Schriften») ¹.

В 1887 году в Петербурге книга снова вышла в переводе на русский язык, предпринятом П. А. Зиновьевым. Однако этот перевод был сделан явно неудачно и мог вызывать, из-за допущенных переводчиком грубых искажений и неточностей, лишь чувство раздражения и обиды.

Затем появилось несколько новых английских переводов книги, опубликованных в Нью-Йорке в 1899 году, в Лондоне в 1901 году и снова в Нью-Йорке в 1911 году. Позднее были изданы новый (второй) польский перевод книги, под редакцией и с предисловием А. Хибиньского (Львов, 1924), и новый венгерский перевод И. Керести (Будапешт, 1926).

благодарность за это; в ближайшем будущем я вышлю Вам пересмотренный (французский) экземпляр книги, и надеюсь, что работа пойдет у Вас легко и будет Вам приятной...» (Franz Liszts Briefe, цит. изд., т. II, стр. 236).

¹ См. Franz Liszts Briefe, цит. изд., т. II, стр. 294.

Рекомендация Листа была принята к исполнению и издание «Gesammelte Schriften» началось действительно в 1880 году с публикации немецкой версии «Шопена». Одна глава из книги—«Личность Шопена»—была также издана Брейткопфом и Гертелем в виде отдельно-го отиска в том же 1880 году.

Немецкий перевод Ла Мара переиздавался неоднократно: в 1896 году вышло второе издание; в 1910 году—третье, в 1924 году—четвертое.

В 1936 году увидел свет новый русский перевод книги, осуществленный С. А. Семеновским; он представлял собой значительный шаг вперед по сравнению с прежними русскими переводами. В 1940-х годах книга снова вышла во Франции с предисловием А. Корто и с введением Ж. Прод'омма, а также в Чехословакии (повидимому, первый полный перевод на чешский язык).

Так постепенно книга пробивала себе путь в различных странах мира, продолжая все больше и больше привлекать к себе внимание читателей.

Надо сказать, что перевод книги Листа представляет большие трудности, и тот, кто берет на себя эту задачу, заранее знает, что выполнить ее может лишь несовершенно. На каждом шагу приходится преодолевать всевозможные препятствия и, главное, немалый соблазн, потому что так заманчиво поступиться точностью и сделать цветистую фразу легкой и простой. Тем большего признания заслуживает труд С. А. Семеновского, в свое время много лет потратившего на работу и снова предпринявшего пересмотр текста своего перевода. Его настойчивое стремление по возможности точнее передать все извивы мыслей Листа будет с удовлетворением и признательностью встречено советскими читателями.

Конечно, успеху и популярности книги Листа немало содействовала и ее необычная, своеобразная форма. Меньше всего это учное исследование, педантически,

шаг за шагом, рассматривающее вопросы шопеновского творчества. Это и не биография в обычном смысле слова. Мы не найдем здесь ни музыковедческого анализа (достаточно вспомнить, что в книге нет ни одного нотного примера), ни последовательного перечня жизненных событий. Скорее всего, перед нами—*поэтическое* описание личности и искусства Шопена, причем в чрезвычайно свободной, можно сказать, импровизационной форме.

Лист почти нигде не остается в пределах избранной темы. Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы высказаться по ряду общих эстетических вопросов, стремится, давая характеристику творчества Шопена, обосновать, сформулировать и основные цели своего искусства, рассказать кое-что о своем творчестве, вскрыть его мотивы. Он крайне неровен: то он поднимается к самым вершинам мысли, то срывается и попадает в объятия тривиального. Противоречия его натуры и здесь проявляются в полной мере. Но все это не мешает ему блестяще обрисовать облик Шопена и, главное, воссоздать атмосферу, в которой жил и творил великий польский художник.

Поэтическая сторона книги столь сильна, особый аромат, исходящий от нее, столь необычен, и так ярко вдохновенный порыв и опьяняющий энтузиазм автора, что даже явные недостатки книги не в состоянии помешать ее успеху. А недостатков этих не мало как в самом построении книги, в ее общей структуре, так и в отдельных деталях. Особенно заметны они в стиле изло-

жения, который своей высокопарностью и многоречивостью неоднократно вызывал справедливые нарекания.

В самом деле, наряду с превосходными сжатыми описаниями и характеристиками в книге встречается немало лишних «красивых» фраз, словесных нагромождений, преувеличений, общих эффектных мест. Книга, скажем прямо, написана не без прикрас; она во многом вычурна, перегружена, не лишена риторики. Порою кажется, что перед нами хаос различных мыслей, которые в необычной форме заключают в себе старые, довольно известные истины. Нас буквально подавляет набор искусственных образов, аллегорий и метафор, натянутых поэтических сравнений, множество цитат, заимствованных изречений и афоризмов, которые утомляют при чтении и в которых подчас трудно разобраться неискушенному читателю. Словом, это какой-то конгломерат идей, не приведенных в логическую систему и не связанных выдержанной последовательностью изложения. Нередко читатель остается как бы заваленным обилием отступлений, которые так и не дают ему представления о главном... Чувство меры подчас изменяет автору и под покровом туманных очертаний у него на второй план отступают весьма существенные мысли.

Все эти недостатки книги были отмечены давно. Они не раз привлекали внимание многих современников и биографов Листа. Сначала о них говорили осторожно, намеками, под сурдинку, потом — более смело и определенно, вслух, но все же еще сдержанно, наконец, громко и решительно. Почти каждому было ясно, что

книга имеет неоспоримые достоинства, что она темпераментна, поэтична и возвышенна, но читать ее моментально скучно и тяжело из-за ее бесформенности, растянутости и натянутости аллегорий.

К сожалению, далеко не всем были известны истинные причины указанных недостатков. Полагали, что дело заключается в склонности Листа к ораторскому позыерству, к блестящей изысканной фразе. Но при этом забывали, что Лист отлично мог обходиться и без этой «фразы»; в своих письмах, относящихся к разным периодам жизни, он дал многочисленные и неопровержимые доказательства того, что он, когда хотел, достаточно хорошо и просто владел литературным языком. Он не только мыслил ясно, точно и определенно, но и умел найти для своих мыслей сжатое выражение.

Вот почему одной склонностью Листа к преувеличениям и изысканным фразам (которая, действительно, подчас проявлялась у него в тех случаях, когда он выступал публично) не объяснишь его литературных недостатков. Решающую роль здесь сыграло другое: «помощь» некоторых лиц, в сотрудничестве с которыми Лист создавал свои книги и статьи.

4

Литературная деятельность Листа до сего времени недостаточно изучена. Она протекала у него как-то между прочим и мало чем напоминала его напряженнейшую работу над музыкальными произведениями.

Известно, что настойчивый труд лежал в основе его музыкального творчества. Вдохновение нелегко давалось ему, и многого, очень многого достиг он железным упорством и неустанной работой. Он больше, чем кто-либо другой, знал, что если художник не работает, «как рудокоп, засыпанный обвалом», если «он глазеет на трудности, вместо того, чтобы их побеждать одну за другой», то он никогда не достигнет ничего великого. Его девизом было: «Недостаточно делать, надо отделять». Бесконечные переработки и редакции, которым Лист подвергал свои музыкальные произведения, десятки вариантов и версий красноречиво свидетельствуют об этом. Они наглядно показывают, что осуществление замыслов давалось ему нелегко, что он, поражавший всех окружающих своей способностью импровизировать на любые темы, испытывал подчас жестокие муки творчества. Он хорошо знал, что для достижения вершин искусства должен сосредоточить всю свою энергию не только на созидании, но и на доведении произведения до возможного совершенства.

К Листу — творцу музыкальных шедевров — с полным основанием можно отнести слова Бальзака: «Думать, мечтать, замышлять прекрасные произведения — пленительное занятие... Творение является тогда во всей прелести детства, во всей безумной радости рождения, с благоухающими красками цветка и с живыми соками плода, испробованного заранее. Таков творческий Замысел и его удовольствия. Тот, кто может словом обрисовать свой план, считается уже человеком не-

заурядным. Этой способностью обладают все писатели и художники. Но создать; но родить на свет; но старательно выходить ребенка, всякий вечер укладывать его, напоив молоком, всякое утро обнимать его с неистощимой материнской любовью, обмывать его, грязненького, по сту раз переодевать его в самые красивые платьица, которые он непрестанно рвет; но не отворачиваться от судорог этой шальной жизни, а уметь претворить ее в живой шедевр, который говорит всем взорам — в скульптуре, всем умам — в литературе, всем воспоминаниям — в живописи, всем сердцам — в музыке — вот в чем заключается Выполнение и Труд, связанный с ним. Рука должна быть всегда в движении, готовая всегда повиноваться голове»¹.

Совсем иное можно наблюдать у Листа в сфере литературного творчества; его монографии, очерки и статьи создаются с какой-то подозрительной легкостью и без каких-либо «творческих мук». Уже одно то, что непонятным образом оказались утраченными рукописи всех литературных работ Листа, заставляет призадуматься. Сотни музыкальных автографов Листа, относящихся к различным этапам жизни, мы без труда можем обнаружить в музеях, библиотеках, архивах или частных коллекциях, а вот ни одного автографа литературных статей Листа нельзя найти при самом горячем желании и самых упорных поисках.

---

¹ См. Бальзак О. де., Кузина Бетта, Собрание сочинений, т. XI, 1936, стр. 179—180.

В чем же здесь дело? Почему мы сразу же сталкиваемся с какой-то таинственностью? Повидимому, самый процесс работы Листа над литературными сочинениями был таков, что вынуждал кое-кого ревниво заботиться о своевременном уничтожении рукописей. И если внимательно проанализировать всю литературную работу Листа, то можно установить ряд следующих, весьма интересных фактов.

Прежде всего бросается в глаза, что литературная деятельность Листа легко делится на два периода: первый период охватывает семь лет, с 1834 года по 1840 год; второй — десять, с конца 1849 года по 1859 год. Обращает на себя внимание и то, что после 1859 года Лист, несмотря на ряд поводов, не написал ни одной музыкально-критической статьи; так же бесплоден был Лист в литературном отношении и в годы своих концертных поездок, с 1841 года по 1847 год. Подобное распределение (во времени) всей литературной продукции Листа, конечно, не случайно. И его никак не объяснишь только тем, что Лист писал свои книги и статьи в центральный период жизни (за вычетом тех лет, когда он интенсивно концертировал по Европе). Ибо дело не столько в этом, сколько в своеобразии литературного труда у Листа: бесконечно занятый, он, как правило, не мог, из-за недостатка времени, писать свои статьи один и был вынужден пользоваться услугами других лиц. Именно в упомянутые годы в силу сложившихся жизненных обстоятельств у него оказались надежные помощники, в сотруди-

стве с которыми он мог выпускать в свет определенную литературную продукцию. Этими помощниками, как теперь твердо установлено, были две женщины, вообще сыгравшие в жизни Листа весьма значительную роль: Мари д'Агу и Каролина Витгенштейн. От степени таланта и образа мыслей последних зависели многие частности критических и публицистических работ Листа.

Именно этим обусловлены те различия, которые легко распознаются между литературными статьями раннего периода и литературными произведениями, появившимися в пятидесятые годы. Первые были написаны в тесном содружестве с М. д'Агу, писательницей, хотя и несколько салонного стиля, но, несомненно, обладавшей незаурядным литературным талантом и демократически настроенной; вторые большей частью написаны рукой экзальтированной до предела женщины, правда, «умной до чертиков», но порой религиозной до ханжества и к тому же не обладавшей подлинным литературным даром. Первые,— особенно серия статей под общим названием «О положении художников и об условиях их существования в обществе» и «Письма бакалавра музыки», — несут на себе печать прогрессивных кругов французского общества, с которыми М. д'Агу и Лист были близки в тридцатые годы, вторые имеют более сложный, противоречивый характер и порой полны туманных мистических излияний, перемешанных с претенциозной сентиментальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru